

— Я хотела её убить, но дорожу своей жизнью. Если больше ничего, закрой дверь, когда будешь уходить, я ещё поплю, — Линь Жань накрыла голову одеялом, радуясь, что осталась здесь прошлой ночью, иначе ей бы не смыть с себя подозрения.

Императрица Мин и так благоволила семье Су и могла использовать этот случай, чтобы расправиться с ней. Действительно, человек невиновен, но его богатство — его преступление.

Она притворилась спящей, а Синьян отправилась завтракать. Всех, кто стучал в дверь, отправляли прочь.

После долгого противостояния Су Чланлань прибыла с императорским указом, чтобы встретиться с Линь Жань.

Синьян, наконец, выспавшись, была в хорошем настроении. Увидев указ, она спросила:

— Когда генерал Су получила указ?

— Сегодня.

— Сегодня когда?

— В полдень, — Су Чланлань не понимала её намерений и не пыталась угадать. В любом случае, с указом в руках она не боялась, что Синьян откажется выдать Линь Жань.

Синьян ответила:

— Когда императрица издаёт указ, Императорский секретариат обязан вести записи. Ты говоришь, что это было в полдень, я пока поверю. Но твои войска окружили мою резиденцию утром. Преступление самовольного вызова войск и незаконное окружение резиденции принцессы — два обвинения. Ты думаешь, я позволю тебе забрать Линь Жань?

Линь Жань, подслушивавшая в гостиной, вздрогнула. У Су Чланлань что, дыра в голове? Зачем она всё время на неё смотрит? Кто убил Су Чжао, пусть ищет убийцу, а не её.

Су Чланлань в гостиной оказалась в тупике, посмотрев на Синьян:

— Даже если я самовольно вызвала войска, Линь Жань всё равно должна быть арестована. Линь Жань всегда была в плохих отношениях с Су Чжао, это дело наверняка связано с ней.

Синьян не разозлилась, а засмеялась:

— Забирай её, если хочешь, но сначала пойдём в Дворец Цзычэнь к императрице, соберём министров шести министерств, главу секретариата и трёх князей, сначала определим твою вину, а потом поговорим о Линь Жань.

Из восьми князей не императорской крови осталось только трое: Шестой князь, который проводил время в литературных беседах, и Восьмой и Девятый князья, любители выпить и поесть.

— Ты извращаешь слова, Чэнь Чжии, ты понимаешь, что делаешь? — Су Чланлань, уже успокоившаяся, снова разозлилась от её слов.

Синьян села на кровать, сохраняя необычное спокойствие.

Они снова разошлись, не придя к соглашению. Линь Жань, наблюдая за тем, как Су Чланлань уходит в ярости, сглотнула и вернулась в свои покои. С прошлой ночи она была освобождена от домашнего ареста и могла свободно передвигаться по резиденции, но, увидев людей Патрульного батальона, решила не выходить.

На ужин снова подали куриный суп с женьшенем, от которого её уже тошнило. Она смотрела, как служанка усердно наливает суп, и с иронией сказала:

— Ты не думаешь, что я будто нахожусь в послеродовом периоде, каждый день куриный суп с женьшенем?

Служанка не поняла её сарказма и с любопытством спросила:

— Что такое послеродовой период?

Линь Жань замолчала, сменив тему:

— Ты говоришь, что резиденция окружена, значит, завтра мы не получим суп, верно?

— Нет, в прошлый раз кто-то принёс тридцать кур, и сегодня, когда я взяла еду, их ещё много, хватит ещё на полмесяца.

— Ваше Высочество действительно щедры... — Линь Жань прикусила ложку, подумав, что это её серебро, ведь она должна заплатить за проживание.

После ужина Синьян неожиданно предложила ей сыграть в шахматы. Она сама не могла выйти, а её советники не могли войти, поэтому, выпавшись, она не могла уснуть.

Линь Жань, глядя на шахматную доску, вспомнила о супе, который её уже тошил, и с улыбкой предложила:

— Просто играть скучно, давайте за каждый проигранный ход выпивать по бокалу вина.

— Я думала, ты предложишь бегать вокруг резиденции за каждый проигранный ход, — Синьян посмотрела на неё с укором, ей просто было скучно, и она хотела сблизиться, но та не оценила её усилий.

Линь Жань, сидя на мягком диване в белой ночной рубашке, выглядела мило, её лицо было розовым, а глаза яркими. Она указала на дверь:

— Тогда идите к Линь Сян, я не буду бегать.

— Кто научил тебя играть в шахматы? — Синьян, не теряя времени, приказала принести вино и поставила маленький столик перед диваном, садясь напротив Линь Жань.

— Конечно, А-Лян. А вы?

— Я? — Синьян замерла, вспоминая, что она много лет не играла в шахматы. После смерти Ло Цин она похоронила это занятие. — Ло Цин научила меня.

— Тогда мы похожи, — Линь Жань кивнула, встретившись с её недоуменным взглядом:

— Нас обеих научили жёны, разве не так?

Синьян сжала шахматную фигуру так, что на руке выступили вены, её глаза сверкнули непонятной эмоцией, но через мгновение она успокоилась:

— Когда Ло Цин была жива, Му Лян называла её старшей сестрой.

— Я знаю, А-Лян самая младшая среди вас, она и вас называет старшей сестрой, — Линь Жань небрежно ответила, опустив взгляд на доску, раздумывая, стоит ли сегодня напоить Синьян.

Думая, что завтра она всё равно не сможет выйти, напоить её не будет проблемой.

Только она не знала, как та играет в шахматы.

Пока она колебалась, Синьян уже проиграла партию. Линь Жань, глядя на ужасное положение на доске, вздохнула: если бы княжна Ло была жива, увидев, как её ученик играет, она, наверное, взяла бы палку и ударила бы её.

Ей не нужно было колебаться, Синьян уже была пьяна.

Линь Жань, глядя на её мутные глаза, помахала рукой:

— Ваше Высочество, сколько партий вы проиграли? — Зря она предложила пить, лучше бы что-то выиграла.

Покритиковав, она взяла кувшин вина и села у южного окна, глядя на луну, скучающе подсчитав, что уже полмесяца не видела А-Лян, и не знала, скучает ли та по ней.

Лунный свет, лениво проливаясь, принёс с собой неясный свет, проникший в окно.

Напив Синьян, она немного пожалела, что здесь не с кем поговорить. Выпив несколько бокалов, она улеглась на ковёр и крепко уснула.

На следующий день Сюань И, поспешно войдя, увидела обеих пьяными и была удивлена. К счастью, они не были вместе, иначе это было бы трудно объяснить. Она поспешила разбудить Синьян:

— Ваше Высочество, императрица вызвала вас.

Синьян, всегда собранная, проснувшись, сначала была в замешательстве, но вспомнила вчерашнюю игру:

— Где Линь Жань?

— Спит на полу, — Сюань И указала на неё, её поза была не самой изящной. Она хотела поднять её на кровать, чтобы та не простудилась в весенний холод.

Но Синьян опередила её, подняв Линь Жань на руки, с лёгким недовольством отметив, что та была тяжелее, чем казалась.

Линь Жань, наполовину пьяная, не просыпалась, а, оказавшись на кровати, привычно перевернулась на бок, оставив место для одного человека снаружи, что было загадкой...

Синьян поняла, что Линь Жань, вероятно, привыкла спать с Му Лян, оставляя внешнюю сторону кровати свободной. Поправив уголок одеяла, она вспомнила, что вчера не выиграла ни одной партии, и, раздражённо, потянула её за ухо.

Спящая от боли ударила по руке, бормоча:

— А-Лян, не тяни, больно.

Сказав это, она только разозлила Синьян, которая сжала ухо сильнее, но, боясь разбудить её, отпустила и ушла с Сюань И.

Когда Синьян вошла в Дворец Цзычэнь, утренняя аудиенция уже закончилась, и все ждали её. Она не была в парадной одежде, а в простом платье.

Увидев её наряд, многие поняли, что дело будет непростым, особенно Му Нэн, который поглаживал бороду, чувствуя, что что-то не так. Почему Синьян внезапно изменила тактику и так играла с Су Чланлань?

Неужели это снова проделки той маленькой хитрюги?

Мать и дочь узнали друг друга? А как же свадьба?

Если бы он знал, что всё так быстро раскроется, он бы устроил свадьбу в Наньчэне. Он вздохнул, а Синьян уже начала говорить, повторяя то, что сказала вчера в гостиной.

Никто не осмеливался вмешаться, и Синьян продолжила:

— Глава секретариата, скажите, когда императрица издала указ вчера?

Глава секретариата, отвечавший за записи указов, оказавшись на передовой, осторожно ответил:

— Около полудня.

Синьян повернулась к Су Чланлань:

— Генерал Су, когда ты вызвала Патрульный батальон вчера? Если императрица заранее издала указ, она бы сказала об этом до окончания аудиенции, но ты вышла из дворца и сразу вызвала войска, значит, императрица не давала тебе указа.

Этими словами она перекрыла императрице возможность защитить её, и та не могла ничего сказать.

Су Чланлань, видя, что императрица молчит, вышла вперёд и встала на колени:

— Я виновата, моя дочь была убита, и я, охваченная горем, совершила ошибку. Прошу прощения, Ваше Величество.

<http://bllate.org/book/16862/1553829>